

ЧУДНЫЕ ЛЮДИ

Истребители чертополоха

Анатолий Цирульников

Мы все думаем, что большую свалку, которую устроили, расчистят после нас ангелы в белом.

Но когда уборщики являются, мы замечаем на них спецодежду. В придачу они сами не стерильные.

Тут мы понимаем: это не ангелы. А чего бы вы хотели? Уборщик — тоже продукт свалки.

Появились ангелы на свалке под Тарусой несколько лет назад. Приобрели заброшенный, загаженный участок животноводческой фермы, поставили вагончик, наблюдательную вышку, отгородились. Через год на месте... прошу прощения, «жижесборника» появилась оранжерея, на месте помойки — 500 видов растений, цветы необычайной красоты, как в песне Высоцкого про нейтральную полосу.

Местные принимали метаморфозы свалки то ли за плантацию, то ли за академгородок. А сами эти, из оранжереи, говорили местным, чтобы к ним не лезли: «Мужики, здесь экологический полигон. Радиация!» Местные перепугались ещё больше...

Я вначале сам не разобрал, зачем им помойка. Могли же свой чудо-сад разбить где угодно — нет, почему-то свалка, пустошь. И называются чудно: *служба экологической реставрации деградированных ландшафтов*. Подумал: какая-то фантастика...

Неоконченная повесть о настоящем человеке

На закате СССР из общей площади сельхозугодий в 605 миллионов гектаров 157 млн было засолено, 113 — подвержено эрозии, 10 — заброшено из-за истощения, 2 миллиона — нарушено открытыми работками. 814 миллионов гектаров лесных угодий на 70% заняты вырубками, гарями, свалками и болотами. Картина усугублена челябинским, чернобыльским и семипалатинским радиоактивными пятнами. Образовался стремительно расплозающийся архипелаг пустошей — земли, оставленной жителями в связи с исчерпанием природных ресурсов. Скорость его распространения составляет 6–7 га в минуту.

Безумная идея осенила Александра Выговского после того, как в 83-м его арестовали и осудили по статье 190 прим — за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй». До этого Выговский работал на биостанции в горах северного Тянь-Шаня. Прикладывал теорию Дарвина к «мировому бульону», где всё кипит, клокочет, борется за существование, и вдруг выяснил, что спасаются из «котла» наиболее неприспособленные.

Грубо говоря, мироздание по Выговскому выглядит вот как.

Силурийское море, колыбель планетарной жизни, уходило, наступала адская жара, сильные отстаивали своё право на каплю воды. Они выпирали слабых — и тем ничего не оставалось, как стать первыми землянами. С огромным количеством жертв они выкарабкивались на берег: «Мы наш, мы новый мир постро-о-им!...»

Предок наш с вами был самый дебильный среди приматов. Менее ловкий и закалённый, чем остальные хвостатые и мохнатые, под страхом смерти он был

оттеснён в пирогеноз — гигантское пространство горящих торфяников. Благодаря этому в эпоху очередного похолодания получил возможность стать настоящим человеком. Свою теорию о наименее приспособленных как эволюционно продвинутых Выговский применил к советской действительности и сделал такой смелый вывод: нравственный облик современного хомо сапиенса обратно пропорционален уровню его приспособляемости. Чем выше облик, тем ниже статус...

Его посадили, в дополнение к двум гражданским он окончил тюремный университет: полугодовой закрытый процесс, институт Сербского, пять пересылок, зона в центральном Казахстане.

Встретился в лагере с братом опытного «сидельца» баптиста Кулакова, директора Института перевода Библии, с которым дни и ночи напролёт обсуждал эволюционный принцип, заключённый в Нагорной проповеди. Христос говорит ученикам о блаженных — гонимых, алчущих и страждущих, — и политзэк Выговский вспомнил вдруг о первом человеке, который прятался от злой судьбы на границе бесконечных пожарищ... Он задумался: куда же деваться всем этим алчущим и страждущим, живущим на грани вымирания по чести и совести, всем этим блаженным, которые стоят первыми в очереди на квартиру уже двадцать лет, но квартиры дают всегда почему-то «блатным»? Куда деваться тем страждущим, к которым, по его мнению, принадлежали Шукшин, Высоцкий, Бродский? Куда им деваться? И вот в зоне эта мысль блеснула, когда он узнал, что существует огромное число мест, которые погублены, превращены в свалку, истреблены вырубками и пожарищами и в которые люди возвращаться не собираются. Ах, нет, говорит Выговский, это было уже после зоны...

Он, ссыльный, жил с дочкой в горах, на Тянь-Шане, работал кочегаром на маленьком заводе, и в 86-м, когда рванул Чернобыль, подумал: а кто в на-

чале XXI века будет осваивать «чернобыльское пятно»? И два года спустя он пришёл на биолого-географическую станцию на Иссык-Куль.

Первый научный полигон Выговского был в горах, 1780 метров над уровнем моря и 24 километра от ближайшего посёлка. Работали с деградированным ландшафтом — опустыненным каменистым склоном. Завозили на скалы землю и высаживали сады. Скотоводы приходили смотреть цветущие абрикосовые деревья, просили саженцы.

Этот полигон снесло селевым потоком. На другом запил руководитель, и команда распалась. А в Аришане, в ущелье, и сейчас живут двое, она математик, он художник, плюс временные работники. Один гончарную мастерскую открыл. Блаженствуют в земном смысле слова. На площадке, где идёт экологическая реставрация и у людей меняется отношение к миру, и животные становятся им подобными: умные, сильные, необычно ловкие коровы, гуся, куры. Это загадка...

«Ну, вот, — продолжает Выговский, — а потом я пошёл дальше, окупился в биохимические процессы».

Существует, оказывается, возможность целенаправленной трансформации генома. В экстремальных условиях, при наличии, например, повышенной радиации или токсичных стоков, могут возникнуть мутанты с необыкновенными способностями. Блаженный изгой из Нагорной проповеди начинает эволюционировать. «В какую сторону?» — спросил я. «В сторону кричащей необходимости!» — ответил Выговский. И пояснил: бедную ящерицу так загоняли на земле, что единственный для неё выход — рост перьев... И в небо! Ну почему рождённый ползать летать не может? Потому что Максим Горький так сказал? А Выговский говорит, что в России и в странах бывшего Союза формируется высшая потребность... «В чём?» — «Она неоднозначна — тут целый спектр. У кого-то

потребность летать, у кого-то покидать привычный ареал и появляться в других местах».

«И получается, — подытожил Выговский, — что гносеологическая потребность срослась с социальной — убирать мусорники».

Написали с единомышленниками обращение к людям, бегущим из городов, ищущим выход в «чистое место».

Таких сейчас много — рвущихся «на природу». Природа между тем совершенно не ждёт человека. «Мы, — говорит Выговский, — призываем идти в отвалы, на терриконы, в заброшенные деревни, на химические полигоны и там строиться, жить...»

Между адвентистами и трактористами

Тарусская районная администрация выделила Службе ЭР в бессрочное пользование территорию бывшей помещицкой усадьбы площадью 26 гектаров. Усадьба в начале XX века представляла собой типичную для России периферийную резиденцию с большим домом, парком, садом, конюшней, кузницей, пасекой, водяной мельницей, прудом, подъездными путями. К настоящему времени территория деградировала до уровня труднодоступной, окружённой лесом свалки, малопригодной к сельскохозяйственной эксплуатации. Близлежащие деревни выродились, коренные жители склонны к пьянству, воровству и браконьерству. Окружающие земли заброшены. Леса лиственные, сильно заросшие сорной древесной, богаты грибами, река — рыбой.

И вот, стало быть, огораживают они участок свалки, выпускают на нашу российскую почву калифорнийских червей, превращающих заросли в гумус, высаживают растение эхиноцистис, применявшееся дореволюционными помещиками для маскировки отхожих мест. Разбивают грядки и сажают на них кедры и туи, рододендроны, и лилии, и тюльпаны, и жарки... Получается — рай.

На полигоне под Тарусой штатных одиннадцать человек и две собаки —

доберман по кличке Нота и московская сторожевая Скиф. Экспедиционный лагерь на самообеспечении: овощи со своего огорода, грибы, мёд с пасеки. Все виды коммуникаций, включая Интернет. По нему они узнают данные аэросъёмки и сами вычисляют погоду.

Народ у Выговского разный: есть специалист-историк (изучает историю ландшафта), юрист (оформление документов, консалтинг), психолог (отработка сценариев поведения — приезд налоговой полиции, встреча с рэкетирами). Есть врач. Один человек в отъезде, временно руководит хором министров в Германии. Постоянно тут обитают четверо в вагончиках, остальные отходят на зимние квартиры. Это плохо, говорит Выговский, экологическая реставрация — не служба, а образ жизни.

Непривычный, прямо скажем, образ.

Лучше всего их понимают учёные-дачники из биоцентра Пушкино и городка физиков Протвино, где «дорастивают» тюльпаны реставраторов. Есть у них друзья в посёлке Заокском — там, в Академии адвентистов седьмого дня, экологи-реставраторы построили теплицы на болоте. За рекой, в усадьбе Поленово, реставрируют ландшафт, высаживая с детьми из окружающих деревень боярышник, и жимолость, и жасмин, как было при великом пейзажисте.

На месте бывшей свалки живут замкнуто, не вступая в контакты с аборигенами. Разве что в деревне кого-то начинают убивать по пьянке — тогда вызывают по телефону милицию, а если пожар — пожарную команду. Предложения в гости отклоняют, сами с просьбами не обращаются. Это кажется странным, но если представить себе экспедицию на другую планету, именно так должны вести себя члены экипажа. А свалка — разве не другая планета? А живущие на ней — разве не инопланетяне?

Так они кто, спрашивали меня знакомые, — сектанты? Не знаю.

Я не заметил на свалке Выговского ни агрессивности, ни веры в какую-то свою исключительность.

Слышал и другое, не менее жёсткое мнение.

«Выговский свою теорию высосал из пальца, сидя в заключении. И ничем его теория не отличается от прочих «лагерных учений» — Кибальчича, Морозова, Даниила Андреева, Льва Гумилёва... На нарах утопию создавать приятно — как-то спасаешься от гнусной реальности. Но попробуй воплоти свою теорию на практике, на воле!»

Вековая практика в России такова, что на свалку выброшен весь «уставный капитал человека»: дом, земля, совесть, семья...

Семью они, почти все разведённые, не жалуют: «А что, вы где-то видели нормальные семьи?» — просто-душно спрашивают. Когда идут ночью по деревне, во всех домах — скандалы, крики. На этом держится колхозная экономика: жёны не дают житья мужьям, и поэтому мужики идут утром в гараж. А бабы чешут на ферму. Такая форма жизни, говорят экологи-реставраторы, себя исчерпала.

Они ищут другую форму...

ТЫКВА ВМЕСТО СЫНА

Самое интересное, что они размножаются. У них есть ученики.

От всех стажёров требуется:

- не допускать на территорию полигона посторонних лиц;
- не входить без приглашения на жилые и аграрные секторы коллег;
- соблюдать гармонию пространства, акустическую и санитарную гигиену;
- минимизировать контакты с местными жителями;
- при работе в пан-тайм режиме беспрекословно выполнять требования пан-дея...

По замыслу реставраторов, каждый такой пятачок должен стать школой, порождающей экспедиции, выса-

живающиеся на новые участки.

«Сколько ж надо экспедиций, чтобы охватить всероссийскую свалку?» — спросил я Выговского. «Четыре-пять, — не моргнув глазом, ответил, — а потом процесс пойдёт сам, в геометрической прогрессии».

Учеников подбирают тщательно. Предпочтение отдаётся горожанам, испытывающим отвращение к свалке, но что-то при этом умеющим делать. А возраст, образование и национальность значения не имеют. Учатся стажёры год, из которого шесть месяцев — теоретическая подготовка на курсах Тимирязевской сельскохозяйственной академии (учредителя Службы экологической реставрации), остальное время — практика на полигоне. Программа обучения, предупредили меня, ноу-хау. Ну, и ладно, расспрашивать не будем, так даже интересней. Немногие стажёры, пройдя все испытания, собираются в команды с индивидуальными программами. Одна, скажем, арендует в Пушкино бомбоубежище и разводит шампиньоны. Другая выделяет из весеннего леса запахи, лечит ими больных, сосновый, говорят, хорош для лёгочников, а горьковатый полынный — для сердечников. Есть программы: «Пища богов», «Флора-уникум», «Супер-улей»...

Со стороны может показаться, что у них «поехала крыша». Но у них в мировой истории тьма полоумных предшественников. Среди них Пифагор, который оставил след не только своими «штанами», но и памятью о пифагорейских общинах, две с половиной тысячи лет назад превращавших пустыни в оазисы (впрочем, истреблённые впоследствии местными «трактористами»).

В предтечах числят психолога Георгия Гурджиева, пытавшегося создать в России в начале века Институт усовершенствования человека, но после революции уехавшего на Запад. Особенно почитают вышеупомянутого Даниила Андреева, написавшего во владимирском центре знаменитую «Розу ми-

ра». Из этой книги, с дарственной надписью жены философа-писателя, Выговский взял понятия «планета-сад» и «человек облагороженного образа».

Расспрашивали меня, профессора педагогики, о необычных школах, вроде той, что у Михаила Щетинина, — вот откуда можно было бы взять на свалку выпускников или поехать создавать оазис к ним! На полигон приходят пропалывать сорняки деревенские дети, работу им дают, но что с ними дальше делать, пока не знают. Откровенно говоря, не знают, что делать с собственными детьми. Растут, как сорная трава. Некоторые учатся по индивидуальным программам (дочку одного из экологов-реставраторов учил химии специалист из Протвино, а сама она, освоив компьютерную вёрстку, зарабатывала себе на курсы английского). Но чаще детей вообще девать некуда («Здесь детская пустыня, — объясняли мне экологи-реставраторы, — в этой деревне школы нет и в той нет...») и приходится подкидывать отпрысков городским бабушкам.

С одной бывшей москвичкой мы стояли на кусочке планеты-сада, где благоухали цветы со всего мира. Сын её живёт у бабушки. Мама считает, это пошло ему на пользу — стал жёстче, самостоятельней. Но, может быть, ребёнок и должен какое-то время пожить с другим человеком, который будет относиться к нему мудрее, чем родитель? «Когда у нас будет несколько полигонов, станем обмениваться детьми», — говорит она мне и показывает своими руками выращенную тыкву, огромную, как в сказке про Золушку.

Тыква вместо сына.

Впрочем, когда на полигон съезжаются на каникулы дети, всё кажется не таким ужасным. Я познакомился с Максимом — ему восемь лет, он собрал тут за лето коллекцию бабочек и жуков и всё про них знает. «Это носорог, — показывает, — а это жужелица». Ещё у него музей окаменевших во-

дорослей, моллюсков, хвостов морских скорпионов и наконечников стрел каменного века — всё нашел на свалке. То и дело Максим смотрит в небо и общается мне: «Над нами, дядя, дельтапланы летают и такие «жу-жу-жу», с мотором...»

За холмом — частный аэродром, с неба над полигоном то сыплются новые русские парашютисты, то старые выписывают «бочки» и «мёртвые петли». «Дядя, вы знаете, — говорит Максим, — на воздушном шаре можно взлететь в любом месте, а опуститься не везде...» — «Как это?» — удивляюсь я. «А вот так! Наша земля не очень удобная для посадки»...

Напоследок позвольте пару слов без протокола.

О человеке облагороженного образа.

Место ему — на пустыре, на свалке. Детей почему-то привлекают пустыри и свалки. Те места, где обнажена изнанка взрослого мира. Где, как заметил один психолог, ничто превращается в нечто или в неизвестно что.

Но о своём ребёнке всё же думаешь: пусть время от времени он играет на свалке, а живёт — в другом месте, почище, подальше...

Места вообще-то здесь чистые. Луга, леса, поля, устремлённые в небеса маковки церквей. Фантастические оранжевые рассветы... Можно понять, почему отсюда родом Циолковский, Чижевский и изобретатель противоза Зелинский. Понятно, почему в Тарусе жили Паустовский, Заболоцкий, Рихтер...

Я все думаю, как относиться к падшим ангелам со свалки.

КАЖДУЮ МИНУТУ 7 ГЕКТАРОВ ЗЕМЛИ В РОССИИ СТАНОВИТСЯ СВАЛКОЙ...

Почему так: сажаем вишнёвый сад, а в итоге — зона или свалка?

На огромной свалке профукали мы свой век.

Одна надежда — на ангелов. **НО**